

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

«Августовская ошибка»? К оценке роли компартии Кубы и Коминтерна в антимачадовской революции 1933 г.

В статье рассматривается мало исследованный характер отношений между III Интернационалом, его Карибским бюро и Коммунистической партией Кубы в связи с т.н. «августовской ошибкой» — позицией кубинской секции Коминтерна в ходе антимачадовской революции 1933 г. Анализируется роль неформального лидера партии Рубена Мартинеса Вильены и показана эволюция оценок его деятельности в этот период международной коммунистической партией — от резкого осуждения до готовности примириться с ним при условии признания «ошибки». Позднее, как показали авторы, Москва частично (но не публично) пришла к выводу об ошибочности ставки на взятие власти силами исключительно коммунистов и аффилированных с ними структур. Это стало частью «исторического поворота» Коминтерна к политике Народного фронта, что на Кубе означало переход компартии к широкому альянсу, заложившему основу последующего расширения влияния коммунистов.

Ключевые слова: «августовская ошибка», кубинская революция 1933, коммунисты, РСС Коминтерн.

DOI: 10.31857/S0044748X0026848-1

Статья поступила в редакцию 27.04.2023.

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9); ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035, Москва, Большая Ордынка, 21/16), профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения РФ (РФ, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, <https://orcid.org/0000-0003-7197-7105>, jeifets@gmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения РФ, (<https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>, ilaranspb@hotmail.com).

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

ВВЕДЕНИЕ

«Ясно одно, что кубинская революция, вызвавшая уже сейчас широкие отклики сочувствия во всех странах Южной и Карибской Америки, имеет и будет иметь огромное влияние на дальнейшее развитие в них революционного подъема, стимулируя развертывание антиимпериалистической борьбы...» [1, с. 276]. Если не держать в руках книгу, из которой взята эта цитата, то можно подумать, что речь идет о революции Фиделя Кастро. Но продолжение этого текста — «и делая лозунг Советской власти и ее программу все более ясными, простыми и понятными самым широким трудящимся массам» [1, с. 276] — дает основание считать, что речь идет о другой эпохе и иной революции. Однако, как справедливо указывает ученый из Университета Реюньона Салим Ламрани [2], без революции августа 1933 г., ставшей поворотным пунктом истории Кубы от «псевдореспублики» к подлинной независимости, не было бы и триумфа повстанцев 2 января 1959 г.

В научной литературе довольно подробно описана августовская революция, положившая конец диктатуре Херардо Мачадо (1925—1933 гг.) [3-10]. Однако в ходе анализа событий августа 1933 г. и их предыстории незаслуженно мало внимания уделялось влиянию на них Коммунистической партии Кубы (*Partido Comunista de Cuba, PCC*) и Коммунистического Интернационала. Во многом это объяснялось недоступностью документов Коминтерна, его регионального органа, курировавшего *PCC* (Карибского бюро), самой кубинской секции мировой компартии. Даже в трехтомнике «Революция 1933 года», написанном Лионелем Сото [6], эта тема не поднимается, хотя он, являясь заведующим Международным департаментом ЦК *PCC*, а затем (правда, уже после издания книги) послом в СССР, мог бы получить доступ к архиву Коминтерна, закрытому для других исследователей.

Подобный подход тем более трудно объяснить, учитывая, что, по мнению Сото, «Невозможно завершить анализ августовских событий, не рассмотрев одно из них, требующее наибольшей строгости и объективности при его оценке, и которое в силу его политической и идеологической значимости заслуживает тщательного анализа. Мы имеем в виду политическую ошибку, совершенную руководством Коммунистической партии» [6, т. I, pp. 376-377].

Возникает закономерный вопрос: можно ли однозначно расценивать действия руководства *PCC* в августовские дни как «политическую ошибку», не принимая при этом в расчет коминтерновский подход к событиям на Кубе и активность представителей III Интернационала? Очевидно, что в данном случае автор придерживается сформулированного еще в 1930-е годы подхода, забывая (сознательно или неосознанно), что *PCC* не была полностью автономной в своих действиях. О причинах такой интерпретации событий догадаться несложно: в высшее руководство *PCC* входил Блас Рока, а во главе Института истории коммунистического движения и социалистической революции Кубы стоял Фабио Гробарт, оба они были ветеранами партии, непосредственно участвовавшими в определении хода событий в 1933 г. Вместе с делегатами Карибского бюро они несли ответственность за формулирование концепции «августовской ошибки».

В последние десятилетия, в частности, после выхода статьи австралийского ученого Барри Карра [11, pp. 234-253] и публикации трехтомника Анхелины Блакиер «История первой Коммунистической партии Кубы» — первого в историографии страны комплексного исследования партийной истории — «белое пятно» постепенно начало ликвидироваться. Отдельная глава монографии посвящена «так называемой «августовской ошибке»» и роли Москвы в событиях 1933 г. При этом в российской/советской историографии, куда активнее кубинцев проработавшей многие аспекты взаимоотношений Коминтерна с его латиноамериканскими секциями, до сих пор не было исследования этого сюжета, имеющего принципиально важное значение для понимания характера революции на Кубе, истоков кубинского социализма. Эта тема частично затрагивалась только в статье петербургских ученых В.Л.и Л.С.Хейфецев в связи с анализом конфликта руководителей *РСС* Рубена Мартинеса Вильены и Хорхе Виво д'Эското [12, pp. 167-200].

Стремительная череда событий, происходивших на Кубе, и роль в них «первой марксистско-ленинской партии» страны* вызвали сначала подлинный шок и неоднозначные оценки в III Интернационале, быстро переросшие в эйфорию. Но тогдашние оценки штаб-квартиры мирового коммунистического движения значительно отличались от сегодняшнего подхода официальной кубинской историографии. Почти во всех кубинских публикациях подчеркивается экстраординарная роль Р.Мартинеса Вильены во всеобщей забастовке, которая смела режим Х.Мачадо. «Из своего скромного убежища, преследуемый шпиками Мачадо и гангстерами из *АВС*, тяжело больной Рубен, сохраняя ясность ума и стальную волю, руководил бурным народным движением», — писал студенческий лидер Рауль Роа, впоследствии — министр иностранных дел Революционного правительства [13, pp. 58-59]. Этот образ является частью некоего культа личности Мартинеса Вильены в официальной пропаганде.

При этом кубинские авторы по-разному оценивают истоки воззрений неформального вождя партии. А.Блакиер считает, что критерии, предъявленные руководителями Коминтерна к Вильене, «были порождены его постоянной критической позицией по отношению к некоторым из его [Коминтерна] руководящих принципов» [14, p. 193]. Историк из Института Хуана Маринельо Каридад Массон пишет о дискуссии между Мартинесом Вильеной и кубинскими студентами МЛШ с работниками ИККИ, предоставившими собеседников от контактов с буржуазной оппозицией (Дмитрий Захарович Мануильский) и рекомендовавшими (Викторио Кодовилья) больше опираться на поддержку «американских товарищей» (*Communist Party of the USA, CPUSA*); она ссылается на полемику Мартинеса Вильены с руководителями Карибского бюро, планировавшими опубликовать статью с уничижительными фразами в адрес одного из основателей *РСС* Хулио Антонио Мельи [15]. По мнению же Хуаны Росалес (Институт философии Кубы), марксистские подходы Мартинеса Вильены в «теоретическом плане и в революционной практике были обусловлены ограничен-

* Так в советской и кубинской историографии принято обозначать *РСС*, чтобы отделить ее от нынешней правящей партии, возникшей в результате объединения трех революционных организаций.

ным и фрагментарным знанием существовавших в то время произведений классиков ...характерным для международного коммунистического движения тех лет, когда обсуждались настоящее и будущее самой революционной теории, а также настоящее и будущее революции: неправильные представления, неясность, идеологическая путаница, предрассудки» [16, p. 389].

В этой связи целью данной статьи является выявить особенности отношений III Интернационала и его кубинской секции, выделяя в качестве конкретного примера роль компартии Кубы в революции 1933 г. (так, как ее понимали Коминтерн и его Карибское бюро). Материал представляет собой исследование возникновения и эволюции подхода Коминтерна к т.н. «августовской ошибке», к стратегии и тактике *РСС*. Используя классические методы исторического анализа, опираясь на документы т.н. «архива Коминтерна», хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве, авторы демонстрируют особенности мнений и разногласий внутри *РСС* по поводу партийной тактики и линии Коминтерна. Сопоставляя документы с материалами коммунистической прессы, опубликованными источниками и принимая в расчет существующие научные работы, будет представлена картина сложных взаимоотношений Исполкома Коминтерна, его структур и представителей с кубинскими единомышленниками, а также предпринята попытка понять, в чем была суть «августовской ошибки» и в какой мере всемирная компартия была права, полагая действия *РСС* ошибкой. Наконец, в статье поставлена задача показать, как переоценка событий августа 1933 г. повлияла на перемены в тактике компартии и Коминтерна в последующие годы.

МОСКВА — ГАВАНА: ПРЕДЫСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ КОМИНТЕРНА

В 1930-е годы оценка Коминтерном роли Р.Мартинеса Вильены в августовских событиях была однозначно критической. Даже в некрологе «активного бойца международного революционного движения, бывшего секретаря Компартии Кубы», опубликованном в журнале «Коммунистический Интернационал», подчеркивалось, что «в период революционных событий августа-сентября 1933 г. т. Вийена [так в тексте] допустил серьезную оппортунистическую ошибку, которую он вскоре затем признал» [17, с. 63].

В определенном смысле победа революции в Гаване 12 августа прозвучала для руководства III Интернационала, как гром среди ясного неба. От *РСС* в Москве ждали позитивных результатов ее деятельности, но не такого успеха. События и роль в них компартии мгновенно превратили кубинское революционное движение из периферии международного коммунистического движения в звезду первой величины. Последовали лавина публикаций по горячим следам, широкое обсуждение событий на Кубе в международной коммунистической и советской прессе. Информация с карибского острова в период всеобщей забастовки и после свержения Х.Мачадо была широко представлена на страницах газет национальных секций III Интернационала, делавших упор на ведущей роли *РСС* в событиях. Орган *CPUSA Daily Worker* еще на первом этапе революции отмечал: «Кубинская коммунистическая партия — самая передовая в Карибском регионе...

героическая борьба кубинского рабочего класса под предводительством Коммунистической партии Кубы являют собой важную часть борьбы рабочих против рузвельтовского Нового курса» [18]. Этот подход сохранился и далее: «Коммунистическая партия Кубы находится во главе борьбы против интервенции Рузвельта—Уэллеса*... стремится свергнуть режим Мачадо — не посредством интервенции американского империализма, но с помощью организованной силы кубинских рабочих и крестьян» [18].

Важное место кубинские события занимали и на страницах самой многотиражной коммунистической газеты Европы — французской *L'Humanité*. Так, 14 августа 1933 г. в колонке «Рабочие и крестьяне свергают тирана Мачадо» отмечалось: «Коммунистическая партия Кубы, имеющая четкую организацию и славные революционные традиции, сыграла в событиях предназначенную ей роль...» [19]. А 15 августа публикуется телеграмма, направленная президенту США Франклину Рузвельту Антиимпериалистической лигой, в которой содержался протест против империалистического вмешательства Соединенных Штатов в кубинские дела в связи с решением Рузвельта послать на Кубу военные корабли и выражалась солидарность «с антиимпериалистическими бойцами Кубы» [20].

Оптимистичной, но в то же время довольно критично оценивавшей перспективы была и первоначальная реакция московских структур Коминтерна, отвечавших за латиноамериканское направление. В статье Хулио Гомеца (секретаря — организатора Лендерсекретариата Южной и Карибской Америки ИККИ Юлия Исаковича Розовского), написанной еще в августе 1933 г., отмечалось, что на Кубе уже в 1930—1931 г. начался подъем революционного движения, и по уровню революционного подъема она заняла одно из первых мест среди стран континента. Компартия же, ряды которой за два года выросли в четыре-пять раз, «не только принимает участие в революционных боях трудящихся масс, но является также их основным организатором и руководителем... Однако при всей несомненной значительности всех этих успехов они все же невелики по сравнению с теми возможностями, которые созданы благоприятной объективной обстановкой» [21, с. 44-45]. Исходя из этого, ответственный работник Исполкома видел задачу *РСС* во «всесторонней, политической и организационной **подготовке** трудящихся масс к решающим революционным боям, **к борьбе за власть, за революционное рабоче-крестьянское правительство**» отметив, что не ожидая официальной легализации, партия «добивается **явочным** порядком открытого существования как партии, так и всех других революционных организаций (КСМ, революционных профсоюзов и т.п.), **сохраняя и укрепления одновременно свой нелегальный аппарат** (выделено в тексте статьи. — *В.Х., Л.Х.*)» [22, с. 47].

Основные оценки событий на Кубе и задачи *РСС* сформулировал в своих статьях руководитель Лендерсекретариата ЮКА Синани (Георгий Бо-

* Самнер Уэллес — с апреля 1933 г. помощник государственного секретаря США, доверенное лицо президента Рузвельта. В мае 1933 г. был направлен посланником на Кубу, где сыграл заметную роль в отстранении от власти в августе 1933 г. Мачадо и установлении нового режима, в котором ведущую роль играл Фульхенсио Батиста, будущий президент Кубы в 1940—1944 и 1952—1959. — *Прим. ред.*

рисович Скалов) [23; 24, с. 60-75; 25]. Московский куратор латиноамериканской революции на примере Чили (1931 г.) и Кубы сделал важный вывод: «обстановка для прорыва господства помещиков и буржуазии в странах ЮКА уже может создаваться в значительной мере «внезапно и неожиданно» [1, с. 302]. Как представляется, это в завуалированной форме давало ответ на дебатировавшийся в Коминтерне вопрос: почему коммунисты не взяли власть на Кубе в августе 1933 г. Другим объяснением этого обстоятельства было признание Скаловым того, что диктатуре противостоял блок «националистов» («буржуазно-помещичьих клик во главе с бывшим президентом Менокалем и полковником Мендиетой», которые «своими выступлениями против террористического режима Мачадо (вплоть до организации вооруженных восстаний) завоевали довольно широкую популярность, отвлекая массы от действительной революционной борьбы» [1, с. 289]. При этом он забыл упомянуть (или не знал об этом обстоятельстве), что именно ИККИ в 1927 г. наложил вето на план Хулио Антонио Мельи о совместном вооруженном выступлении *РСС* и Националистического союза (*Unión Nacionalista, UN*) Карлоса Мендиеты, а еще раньше отверг проект вооруженной экспедиции Венесуэльской революционной партии (*Partido Revolucionario Venezolano, PRV*) против диктатора Хуана Висенте Гомеса (1908—1935 гг.), опасаясь того, что, оттеснив коммунистов от власти, гегемонию в такой революции получит мелкая буржуазия, и настаивая на создании сначала сильной пролетарской секции Коминтерна. Реализация принципа «все для обеспечения победы пролетарской диктатуры или ничего, если это приведет к триумфу мелкой буржуазии» только продлевала существование диктатур и, безусловно, связывала руки компартиям, не давая возможности проявить инициативу в революции.

Образованием «единого контрреволюционного фронта», нацеленного на достижение компромисса с Мачадо при посредничестве посла США Самнера Уэллеса, Скалов объяснил «тяжелую оппортунистическую ошибку», «малодушное, оппортунистическое решение ЦК КПК»: «на неправильно поставленный вопрос «Мачадо или интервенция» был дан не менее неправильный ответ, полученный методом рассуждения по типу социал-демократической теории «меньшего зла»: «Лучше Мачадо, надо разойтись по домам и заняться текущими экономическими делами» [23, с. 64].

В основу позиции Москвы были положены традиционные подходы к революционному движению на континенте. В проекте решения ИККИ, где отмечалось, что всеобщая стачка, в результате которой был свергнут «прямой ставленник американского империализма Мачадо, переросла в мощные революционные выступления, сопровождавшиеся в отдельных районах захватами предприятий рабочими и помещичьих земель крестьянами, возникновением советов», указывалось на отставание партии «от темпов развития революционной борьбы». Для выполнения основной цели *РСС*: подвести массы к решающим боям за рабоче-крестьянскую власть, перед ней ставилась задача агитации за советы как единственную форму власти, способную вывести страну из кризиса, «сделать вооружение народа для защиты добытых завоеваний от контрреволюции и возможной военной диктатуры актуальным поручением дня». Партии предлагалось расширять единый фронт забастовочной борьбы снизу, предлагать всем реформист-

ским и мелко-буржуазным организациям единый фронт на основе борьбы: а) против буржуазно-помещичьего правительства Рамона Грау Сан-Мартина (1933—1934, 1944—1948 гг.), за независимость Кубы, за полные демократические свободы, за рабоче-крестьянскую власть; б) за немедленное вооружение трудящихся; в) за захват помещичьих земель крестьянами и г) за улучшение экономического положения рабочих., а там, где массовая революционная борьба принимает характер открытой гражданской войны, создавать советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. При этом *РСС* напоминали, что во избежание угрозы империалистической интервенции от нее «потребуется особо гибкая и маневренная политика в отношении сев.-американского империализма» [25, р. 3].

Отношения руководства Коминтерна и кубинских коммунистов изначально складывались непросто. Диктатор Х.Мачадо, видя в деятельности коммунистов серьезную угрозу режиму, запретил *РСС* практически в момент основания в 1925 г., обрушив на нее самые жестокие репрессии. Работая в глубоком подполье, партия испытывала серьезные трудности, не получив, как этого следовало ожидать, признания ее национальной секцией Коминтерна. Причина крылась в расхождении в оценке харизматического лидера Х.А.Мельи, исключенного в начале 1926 г. из *РСС* по надуманному предлогу после окончания сделавшей его широко известным голодовки [26, pp. 81-100; 27]. В свою очередь Коммунистическая партия Мексики (*Partido Comunista de México, РСМ*), а также представитель ИККИ и полпред СССР в Мексике Станислав Станиславович Пестковский решительно встали на его защиту, в то время как руководство *РСС* упорствовало в осуждении Мельи. Почти два года продолжалось противостояние, отсрочившее прием партии в Коминтерн. Ситуация изменилась после посещения Мельей СССР в 1927 г. Однако в этот раз понимания в Москве не нашел уже сам молодой коммунист. Работники ИККИ категорически отвергли его план совместного с *UN* вооруженного восстания против Мачадо. Подход коминтерновских чиновников был прост: без сильной, массовой пролетарской партии коммунисты не смогут обеспечить гегемонию в революции, таская каштаны из огня для мелкой буржуазии, которая в случае победы не допустит их до власти. Этот вердикт не остановил Мелью, так же как его венесуэльских товарищей — братьев Густаво и Эдуардо Мачадо и Сальвадора де ла Пласу, которые на свой страх и риск продолжили подготовку вооруженных акций. Переговоры с радикальным крылом *UN* возобновились, и это стало одной из причин трагической гибели Мельи от руки агента кубинской охраны.

Да, знаменитый «Прыжок с Кюрасао» венесуэльских революционеров и высадка экспедиции генерала Франсиско Перасы на Кубу не удалась. Но как мировая компартия могла отказать в попытке свергнуть диктатуру, даже в случае замены ее властью мелкобуржуазных партий? Это можно объяснить только господствовавшим в ней догматизмом и сектантством, желанием получить результат («диктатуру пролетариата» или «рабоче-крестьянское правительство») сразу, без промежуточного этапа в виде буржуазной демократии. В Коминтерне не рассчитывали на успех революции в Латинской Америке и поэтому на кубинскую секцию не обращали того внимания, которого та заслуживала, хотя бы в силу стратегического

положения острова вблизи США. Возможно, именно в этом и крылась причина скептического отношения Москвы. «Географический фатализм» (идея о невозможности революции на Кубе без революции в США) присутствовал в сознании коминтерновских чиновников.

С одной стороны, от *РСС* ожидали успеха. После обновления ЦК, вызванного арестом его членов в 1930 г., партия не была обижена вниманием III Интернационала. Уровень и интенсивность контактов *РСС* и Коминтерна резко повысились. До этого они ограничивались встречами с представителями «партии-старшего брата» — *РСМ*, останавливавшимися в Гаване на пути в Москву и обратно и игравшими роль посредников между партией и Исполкомом Коминтерна, и также перепиской ЦК с ИККИ. *РСС* с большим трудом удалось добиться помощи в приобретении типографии, а на систематические просьбы помочь организовать Второй съезд партии и прислать представителя Коминтерна Москва отвечала молчанием или вежливым отказом.

Но в 1931 г. в Нью-Йорке на базе американской *CPUSA* было создано Карибское бюро Коминтерна, задачей которого являлась координация деятельности коммунистической деятельности в регионе. Кубу стали чаще посещать представители бюро, компартий США и Мексики, Профинтерна: Витольд Ловский («Хуан»), Рафаэль Каррильо («Фрихолильо»), Джон Белл («Альберт Моро») и др. [28; 11]. В Москве в конце 1920 — начале 1930-х годов работали Р.Мартинес Вильена — неформальный лидер кубинской компартии, покинувший родину из-за угрозы его жизни после всеобщей забастовки 1930 г. (он под фамилией «Вьянхель» стал референтом Латинско-американского лендерсекретариата ИККИ), член ЦК *РСС* Фабио Гробарт («Хова»), представитель партии при ИККИ, член Исполкома Национальной рабочей конфедерации Кубы (*Confederación Nacional Obrera de Cuba, CNOC*) Хоакин Ордоки («Сильва»), практикант Латинскоамериканской секции Профинтерна. В Международной Ленинской школе (МЛШ) учились члены ЦК *РСС* Рамон Николау («Луис Кастильо») и Сандалио Хунко («Сатурнино Эрнандес»), Фелипе Гонсалес. Но при этом связь все же оставалась фрагментарной. Даже о состоянии здоровья Мартинеса Вильены, лечившегося от туберкулеза, в Гаване узнавали только после настойчивых просьб прислать информацию.

После массовых арестов в руководстве компартии новым генеральным секретарем *РСС* по рекомендации Карибского бюро был назначен имевший значительный опыт международной деятельности Хорхе Абилио Виво д'Эското («Педраса», «Пабло»), возглавлявший региональное бюро МОПР. По оценке Коминтерна, до 1930 г. компартия Кубы представляла собой «небольшую сектантскую, слабо связанную с массами группу», насчитывавшую примерно 250-300 членов. В 1930 г. в работе партии «наступил поворот в сторону усиления борьбы за массы», совпавший с усилением революционного движения, в котором компартия Кубы стала все чаще выступать в качестве руководящего фактора (например, при организации и проведении стачки 200 тыс. рабочих в Гаване 20 марта 1930 г., стачки 60 тыс. рабочих 4 августа 1931 г. и т.д.). Но «подлинный перелом в области массовой работы» наступил, по оценке Коминтерна, лишь в 1932 г., когда партия начала проводить работу среди рабочих сахарных заводов и плантаций — наиболее многочисленной части кубинского пролетариата. В ре-

зультате партия к середине 1933 г., т.е. перед кубинской революцией, насчитывала уже приблизительно 2 тыс. членов и опиралась на *CNOC*, число членов которой определялось в 25 тыс. [29, с.413]. Это говорит об оценке в Москве и Нью-Йорке деятельности обновленного руководства *PCC* как успешной, породившей иллюзию о возможности взятия власти на Кубе в ходе августовских событий.

Серьезной проблемой для *PCC* стало противоборство со сторонниками Сандалио Хунко, отказавшегося работать в партии после возвращения из Москвы и создавшего троцкистское Бюро Коммунистической оппозиции (впоследствии — Большеви́стская Ленинская партия (*Partido Bolchevique Leninista, PBL*), и вступившего в противостояние с *PCC* за лидерство в рабочем движении [30, сс.155-177]. Борьба партии на три фронта — против диктатуры, буржуазной оппозиции и раскольников — в значительной мере ослабляла ее возможности.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕЛЕГАТЫ» ПРОТИВ «ХУЛИО»

Революционный кризис на Кубе назревал с начала 1930-х годов и охватил практически все общество. Страну захлестнула волна забастовок, организованных *CNOC* под влиянием компартии. Серию террористических актов провела партия *ABC**. Диктаторский режим подвергался непрерывным атакам буржуазной оппозиции, радикальное крыло которой совершило попытки организовать вооруженное сопротивление Мачадо. Против тирании открыто выступил Университетский студенческий директорат (*Directorio Estudiantil Universitario, DEU*). Партизанскую борьбу развернула «Молодая Куба» (*Joven Cuba, JC*) Антонио Гитераса. В марте 1933 г. в Майами была создана Кубинская хунта оппозиции (*Junta Cubana de Oposición*), объединившая всех старых олигархических политиков, *ABC*, *DEU* и представителей университетских профессоров [6, t.2, p.172]. В этот разнородный конклав, как отметил кубинский журналист Энрике де да Оса, не вошли только *PCC* и аффилированные с ней организации; «бескомпромиссные доктринальные и тактические критерии отделяли их от остальных собравшихся» [31]. Главным препятствием сотрудничества была использовавшаяся Коминтерном после VI конгресса тактика «класс против класса». Точно также и в дни революционного подъема силы, противостоявшие диктатуре, боролись не только против нее, но и активно противодействовали друг другу.

Ключевую роль в возникновении и разрешения кризиса в руководстве *PCC* в связи с «августовской ошибкой» играла работавшая нелегально «интернациональная делегация» — представители Карибского бюро,

---

* *ABC* — буржуазное политическое объединение, основанное в 1931 г. в оппозиции к правительству Мачадо. В нем использовалась иерархия подпольных ячеек, в которой каждый член контролировал ячейку следующего уровня. В 1932 г. *ABC* выпустило манифест, призывавший к определенным реформам, включая избирательное право женщин, права рабочих (профсоюзы, восьмичасовой рабочий день, право на забастовку, пенсии), ликвидацию крупных поместий за счет налогов и создание кооперативов. *ABC* заявляло о своем противостоянии как коммунизму, так и фашизму, прибегая в политической борьбе и к террористическим методам. — *Прим. ред.*

CPUSA и *PCM*, Профинтерна (американцы Джон Белл, Уильям Саймонс, Роберт Майнор, Джеймс Форд, мексиканцы Рафаэль Каррильо, Андрес Гарсиа Сальгадо, поляк Витольд Ловский, венесуэлец Рикардо Мартинес), участвовавшие в заседаниях ЦК, партийной конференции, IV конгрессе профсоюзного единства, II съезде *PCC*, выезжая в региональные партийные организации. Некоторые ее члены приехали на Кубу в разгар августовских событий, остальные присоединялись позже, состав ее время от времени менялся. По количеству и уровню представительства это был невиданный в истории Коминтерна (если не считать штаб подготовки «Германского Октября» 1923 г.) десант международных функционеров в национальную секцию.

«Интернациональные делегаты» в основном занимали жесткую позицию по отношению к руководству партии. Делегат Профинтерна «Хуан», настаивая на необходимости «вытянуть партию и руководство из инерции, в которой она находится», обвинил ЦК в «несознательном сопротивлении в выполнении линии Коминтерна», неумении «примениться к новой ситуации». Отрицая, что «хочет назвать товарищей контрреволюционерами», он отметил при этом наличие «незрелости в партии» [32, р. 27]. Нью-йоркские кураторы обнаружили в ЦК *PCC* «тяжелую атмосферу разногласий по вопросу о линии партии относительно ее позиции по вопросу о всеобщей забастовке». Полемика развернулась вокруг вопроса о том, «была ли партия права, призывая рабочих вернуться к работе, после того как их требования были удовлетворены». Мартинес Вильена, имевший, по мнению «А.Моро», «абсолютный контроль над большинством членов ЦК, находящихся политически гораздо ниже его и питающих к нему исключительно преувеличенное почтение», сформулировал линию ЦК таким образом: «В результате всеобщей забастовки правительство свергнуть невозможно, продолжение забастовки служит интересам оппозиции; «с всеобщей забастовкой или без нее Уэллес сбил Мачадо с ног»; «партия не говорила, что забастовка будет продолжаться до падения Мачадо, потому что мы не могли поднять восстание» [33, р. 1].

Секретарь Карибского бюро обращал внимание на отсутствие связи ЦК «с внутренней частью острова, указывая на то, что только на Пленуме 31 августа и 1 сентября стали известны «размах движения в провинции и степень нашего участия в нем». Это привело его к выводу о «чудовищно оппортунистической линии ЦК»: в то время как рабочие и широкие массы мелкой буржуазии отказались возвращаться к работе, а Мачадо уже «колебался, когда к нему пришел комитет всеобщей забастовки», партия не организовала демонстраций и уличных акций, хотя «массы были готовы к уличным выступлениям». «ЦК серьезно недооценил глубину ненависти широких масс к Мачадо... не считаясь с настроениями и чувствами масс, которые были более революционны, чем партия, отказываясь вернуться на работу. Забастовка продолжалась, но партия не выдвинула никаких политических требований, которые были продиктованы обстановкой, сосредоточив их против Мачадо и американского империализма, разоблачая в то же время буржуазно-помещичью оппозицию и *ABC*... ЦК не политизировал и не поднимал всеобщую забастовку на более высокий уровень...» [33, р. 2].

По оценке Моро, «линия Вильены» привела ЦК к «выбору между Мачадо и интервенцией». Он указывал: ЦК придерживался мнения, что

массы «предпочли Мачадо американской морской интервенции в тот момент, заметьте, когда эти массы поднялись и решили вытеснить Мачадо... Выбор из двух зол в пользу меньшего не диалектичен и ясно показывает, что Вильена не понимает самого характера нашей антиимпериалистической аграрной борьбы» [33, р. 2]. В ходе обсуждения Мартинес Вильена руководил «ожесточенной атакой» на генерального секретаря партии «товарища Пабло» (Х.Виво), который «был исключением, не поддержав общую линию», и добился его отстранения от работы в Секретариате ЦК «на основании его организаторской неспособности и саботажа линии ЦК. Я (А.Моро. — В.Х., Л.Х.) не мог остановить это, потому что истерия достигла такого уровня, что ничего, кроме удаления, не помогало» [33, р. 3].

Противостояние между Мартинесом Вильеной и Виво явно носило личностный характер. Это было не только и не столько столкновение мнений, а борьба амбиций двух соратников Мельи, конкуренция за лидерство в партии. Вернувшись из Москвы, Рубен оттеснил «Пабло» от руля партийного руководства, считая его стиль невыносимым: «Пабло — не генеральный секретарь; он ведет себя как секретарь-генерал» [34]. Естественно, что Виво, под руководством которого в 1930—1933 г. партия добилась тех успехов, которые позволили ей выйти на национальную политическую арену, не мог смириться с утратой лидерства, переходом на роли второго плана.

Руководитель Карибского бюро заявил, что «Вильена боялся масс, хотя они и не были готовы к восстанию» и считал главной угрозой для кубинской партии «правую опасность». «Эта ошибочная линия заставила Вильену утверждать, что «Мачадо не может быть свергнут в результате всеобщей забастовки, но может быть свергнут восстанием. Он говорит, что Мачадо был изгнан Уэллесом» [33, р. 3].

Важными задачами «интернациональной делегации» являлись поиск «подтверждения или неподтверждения нашей линии», общение с низовыми активистами и помощь им в «разъяснении послания Коминтерна... решении многих проблем, стоящих перед районными партийными организациями» [33, р. 1]. Обращает на себя внимание позиция по привлечению к работе «пришедших снизу» товарищей. Действительно, ахиллесовой пятой *РСС* оказывалось то, что руководство в основном состояло из столичных жителей, что тормозило расширение партийных рядов и активизацию работы на местах. Для нелегальной партии это было естественным, но после победы революции менялись задачи, и должен был измениться подход к формированию партийного руководства. В результате этих перемен генеральным секретарем стал до того малоизвестный в партии руководитель комитета Мансанильо Франсиско Кальдеро (Блас Рока), возглавивший ее почти на 30 лет.

В сделанных эмиссарами Карибского бюро оценках заметна масса противоречий. Посланцы Коминтерна нигде не говорят о том, какими силами *РСС* могла бы решить проблемы, возникшие в августе. Партия действительно достигла значительного прогресса в 1930—1933 гг., но для завоевания власти этого было явно мало. Можно отчасти сравнить данную ситуацию с ожиданиями российским обществом захвата власти «Народной волей» после убийства Александра II в 1881 г. Но сил у революционеров хватило только не теракт, на революцию их было недостаточно. Могла ли партия призвать к продолжению забастовки, если это предлагали ее поли-

тические оппоненты (*ABC* и хункисты)? Тогдашняя коминтерновская логика решительно подсказывала невозможность действий в одном с ними направлении. Нельзя не согласиться с Б.Рокой, утверждавшим, что именно всеобщая забастовка трудящихся «явилась главным фактором, предопределившим падение мачадистской тирании» [35, с. 84]. Главным, но не единственным, к этому вел весь революционный процесс на Кубе 1933 г., и вклад в расшатывание диктатуры внесли все оппозиционные силы.

«ОШИБКА» ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ?

Чего добивались посланцы Коминтерна? В Москве, особенно в разгар событий, смотрели на происходившее на Кубе сквозь призму своей нью-йоркской структуры. А ее представители, даже находясь в гуще событий, понимали ситуацию, исходя из желаний, а не объективной реальности. Квалификация действий *РСС* как «ошибки», во многом вызвана оценкой позиции Мартинеса Вильены и его формулы «Лучше ослабленный Мачадо, чем интервенция». Это была не просто красивая фраза, прозвучавшая из уст поэта Вильены, а трезвая оценка политических перспектив.

Существовала ли угроза интервенции? Несомненно. Руководителям США, как писал впоследствии госсекретарь Корделл Хэлл, «становилось ясно, что либо Мачадо уйдет в отставку, либо его свергнет революция» [36, с. 94]. По мнению советского историка Э.Л.Нитобурга, в действительности Рузвельт и Хэлл «всячески старались избежать военной интервенции на Кубе, так как допустить ее — это значило бы поставить на карту будущее всей их латиноамериканской политики» [37, с. 194]. Но было ли это понятно остальным тогда, в разгар событий? Риторика была отнюдь не в духе политики «добраго соседа» Президент Рузвельт 9 августа откровенно сказал кубинскому послу: «во избежание кровопролития» Мачадо должен принять формулу, осуществлявшего «посредническую миссию» специального представителя президента и посла на Кубе С.Уэллеса, предлагавшего Мачадо уступить власть лидерам оппозиции (разумеется, без коммунистов). «В противном случае США обязаны будут сами, на основе своих обязательств, вытекающих из «поправки Платта», покончить с «состоянием анархии» на Кубе [38, pp. 347-348].

На Кубе активно действовали партизаны, забастовка водителей автобусов Гаваны переросла во всеобщую. Наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и политические: создание демократического правительства, отмена «Поправки Платта», амнистия политзаключенных и др. В этих условиях «тропический Муссолини» пытался дотянуть до конца своих полномочий (мая 1935 г.) и прямо заявил Уэллесу, что предпочитает пойти на уступки забастовщикам и оппозиции или увидеть интервенцию, чем принять условия «посредника», нарушающие суверенитет Кубы [36, с. 100]. Об этих настроениях в президентском дворце в руководстве партии знали через Хосе Герру («Матиенсо»), члена Политбюро и сына личного секретаря диктатора, известного кубинского историка Рамиро Герры. Именно во время этой встречи с членами забастовочного комитета-коммунистами (Мачадо даже в кошмарном сне не мог представить такое раньше) диктатор удовлетворил требования бастующих. А делегаты Ка-

рибского бюро подвергли встречу критике, обвинив «Матиенсо» в том, что он является правительственным шпионом [14, р. 194]. Как пишет Л.Сото, уступки, предложенные Мачадо, включали согласие с экономическими требованиями забастовщиков, легализацию революционного объединения профсоюзов — *CNOC*, а также соблюдение демократических прав и легальное существование компартии и других политических групп. Мачадо обязался полностью выполнить обещания в обмен на прекращение всеобщей забастовки. По мнению Л.Сото, отношение Вильены «к предложениям Мачадо отвечало классической схеме переговоров пролетарского организма с олигархическим правительством, которое еще нельзя свергнуть, которое вынуждено договариваться с рабочим классом и уступать мобилизованной и боевой силе последнего, чтобы избежать полного поражения» [6, р. 377].

Принял бы диктатор более радикальные условия? Да, так в итоге и произошло, но стало это результатом действий не одной *PCC*, а всей оппозиции и посла Уэллеса. Коминтерн же расценил эту встречу как часть «оппортунистической ошибки», полагая, что коммунисты не взяли власть, валявшуюся под ногами. Если бы диктатор не ушел, достигнутое, несомненно, было бы сочтено в Москве и Нью-Йорке грандиозным успехом *PCC*, но на фоне упущенной, как казалось, коммунистами победы, стало серьезным проступком.

«Интернациональные делегаты» не могли не понимать, что американская интервенция вполне реальна. «Руки прочь от Кубы!», «Не допустить интервенции на Кубе!» — такими заголовками пестрела газета *Daily Worker*, сообщавшая о движении кораблей ВМС США к берегам Кубы, о кампании солидарности с борьбой кубинцев, разворачивавшейся в Соединенных Штатах. Понимали ли участники «интернациональной делегации», что интервенция может разрушить всю кубинскую политическую палитру, что противостоять ей тем силам, которые не готовы идти на компромисс (*PCC*, *CNOC*, и тем, кого коммунисты в тот момент относили к лагерю антагонистов — *JC*, Кубинская революционная партия (аутентики) (*Partido Revolucionario Cubano /auténtico/*, *PRC /a/*), без поддержки армии практически невозможно? Что к власти при содействии США придут те политические лидеры, которые с точки зрения *PCC* (и Коминтерна) были не меньшим злом, чем Мачадо (т.е. К.Мендиета, М.М.Гомес, Ф.Ларедо Бру, что и случилось после свержения «Правительства 100 дней»? Складывается ощущение, что нет.

Мачадо, расписавшийся в собственном бессилии, согласившись на условия забастовщиков (т.е. стоявшей за *CNOC* компартии), в том числе и политические, уже не смог бы управлять по-старому. Да, принять окончательное решение об уходе диктатора вынудила всеобщая забастовка. Но это был лишь последний удар по режиму. Успех августовской революции подготовила вся атмосфера 1933 г. Коммунисты однозначно не смогли бы взять власть в августе. Авторы концепции «ошибки» считали линию *PCC* крайне левой, сектантской, оценивая позицию руководства партии как борьбу «против всех» [6, р. 388]. Но как можно было не видеть тогда, а Л.Сото через 40 лет, что это была стратегия Коминтерна, буквально навязанная его кубинской секции? Партия категорически отказывалась от альянса с другими антимачадовскими группами, неукоснительно выполняя предыдущие директивы ИККИ. И хотя она за предыдущие три года добилась успеха в своем развитии, у *PCC* было явно недостаточно сил для решительного рывка к власти.

Одной из задач, которую поставила делегация, было добиться «покаяния» членов ЦК *РСС*. Это оказалось нелегко. Мартинес Вильена не собиравался сдавать свои позиции. Признав недостатки в организации забастовки, «Хулио» настаивал на правильности позиции партийного руководства в бурные августовские дни: «Партия впервые “делала политику”... Забастовка ни на мгновение не имела цели похоронить Мачадо. Если бы я знал, что Мачадо падет в течение двух часов, я бы призвал их [забастовщиков] вернуться к работе при удовлетворении требований. Цель была достигнута, расширение требований и продолжение забастовки означало бы потерю независимой линии и поддержку Уэллеса в его миссии по устранению Мачадо. Если бы Уэллес (Вашингтон) хотел отстранить Мачадо от власти, он бы сделал это без забастовки». Вильена отмечал, что продолжение забастовки означало пойти на поводу у «провокаторов из *ABC*, которые хотели похоронить Мачадо. Забастовка не похоронила Мачадо, чтобы похоронить его, понадобилась вооруженная сила. Его похоронила вооруженная сила — армия, а не забастовка... Нам пришлось выбирать между ослаблением Мачадо или вмешательством. Я (Хулио) был и остаюсь за ослабление Мачадо, выполнение требований и укрепление организаций» [39, р. 19а]. На реплику Ловского: «Это довольно странный выбор меньшего зла», Хулио ответил: «Да, это может быть меньшим злом, Ленин говорил, что иногда надо выбирать меньшее зло».

Кубинским товарищам явно не нравились подход и тональность оценок «интернациональных делегатов». На очередную реплику делегата Профинтерна: «Это — грубое преуменьшение всеобщей забастовки», Х.Ордоки в сердцах произнес: «Мы устали от ваших оценок и словечек» [39, р. 19а]. Очевидно, что назидательный, поучительный стиль работы посланцев Москвы не нравился кубинцам, некоторые из которых сами еще недавно работали в штаб-квартире мировой революции или учились в МЛШ и не понимали, почему их поучают, как нашкодивших школьников.

В конечном итоге, идя навстречу требованию «старших товарищей», на заседании ЦК 23 ноября Хосе Герра предложил, чтобы он сам, Мартинес Вильена, как наиболее ответственные за «ошибку», и другие члены ЦК выступили с самокритикой и вышли из ЦК до тех пор, «пока не покажут хорошую практическую работу и не признают свои ошибки». К Мартинесу Вильене, который из-за своего тяжелого состояния здоровья не присутствовал на встрече, были направлены Ф.Гробарт и Б.Рока — авторы документа об «августовской ошибке» (который не был опубликован и, по всей видимости, утерян или уничтожен в период борьбы с батистовской тиранией [6, р. 432]. Авторам данной статьи не удалось обнаружить его и в архиве Коминтерна).

Задачей Ф.Гробарта и Б.Роки было убедить «Хулио» в необходимости сделать заявление об ошибках, допущенных в забастовке [14, р. 196]. Почему для этой миссии были избраны именно они? Ни один из них не участвовал в принятии решений ЦК в августовские дни. Гробарт, участник Учредительного съезда партии (1925 г.) и член ЦК, был депортирован в августе 1932 г. и работал в аппарате ИККИ. ЦК *РСС* настойчиво просил скорейшего возвращения на Кубу «лидера нашей партии, работающего в латиноамериканской секции Коминтерна, товарища Хобы, так как нам необходимо больше квалифицированных товарищей» [40, р. 43]. ЦК, учитывая «его тесные связи с революционным движением на Кубе и его зна-

ния о нем», предполагал направить Гробарта представителем партии в Карибское Бюро [41, р. 24]. У ИККИ были свои планы относительно кубинского коммуниста (его предполагалось использовать для работы в Южноамериканском секретариате), но события на Кубе ускорили его возвращение в страну, куда он прибыл в октябре 1933 г. Б.Рока был секретарем партийного комитета Мансанильо и возглавил забастовку в регионе, центральным событием которой стало создание «Совета» в Мабае, признававшееся коммунистами высшей точкой революции.

Гробарту и Роке удалось убедить «Хулио» написать покаянное письмо. Однако Карибское бюро настаивало на том, что Рубен не хотел принимать критику Коминтерна, хотя в конце концов признал ее в самокритичном документе, и, высказав недоверие заявлению Мартинеса Вильены, готовило почву для его исключения из Политбюро. С этим решением не согласилось руководство *РСС*, и Рубен до последнего дня своей жизни (он умер 16 января 1934 г.) занимался подготовкой IV Конгресса профсоюзного единства [14, р. 196].

Представляется, что сомнения «интернациональных делегатов» были небезосновательными. Позднее Рока вспоминал, что во время их встречи, лежа в постели, Рубен спорил «с той же страстью. Его лицо светилось, когда он говорил об обвинявших его бюрократах» [34].

В Москве нетерпимую позицию своей нью-йоркской структуры несколько скорректировали в вышеупомянутом некрологе, опубликованном в журнале «Коммунистический Интернационал» через неделю после смерти Мартинеса Вильены: «В лице т. Вийена компартия и трудящиеся массы Кубы потеряли одного из своих активнейших борцов за дело мировой пролетарской революции» [17, с. 63]. Если бы не «покаяние» и трагическая смерть Вильены, то вполне вероятно, что в коминтерновской терминологии наряду с «рекабарренизмом», «мариатеги́змом» и «пенелонизмом» появилось бы слово «вильенизм».

Кубинские коммунисты не забыли унижения, испытанного от вмешательства коминтерновских инстанций в 1933 г. В 1956 г. Б.Рока предложил ЦК КПСС проект возрождения системы интернациональных связей компартий Латинской Америки, отметив необходимость избежать повторения «отрицательных явлений, которые мы имели при создании некоторых континентальных органов... Карибское бюро, например, больше мешало, чем способствовало деятельности нашей партии. Оно насаждало сектантство и догматы, отдаляло нас от конкретной действительности нашей страны и привело к тому, что наша линия в поворотные 1930—1935 годы была неправильной и неспособной указать кубинскому народу путь к освобождению» [42, сс. 51-52].

«РАБОТА НАД “ОШИБКАМИ”». ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОМИНТЕРНОМ УРОКОВ АВГУСТА 1933 ГОДА

Видя в кубинской революции авангард континентального движения, руководство Коминтерна несколько раз возвращалось к анализу причин ее побед и поражений. Так, скрупулезный разбор действий *РСС* в июне 1934 г. был проведен в Лендерсекретариате Южной и Карибской Америки ИККИ и Латиноамериканской секции Профинтерна. Основными докладчиками были активные участники событий на Кубе — член Политбюро

РСС, генеральный секретарь *СНОС* Сесар Вилар («Перес») и Витольд Ловский, вернувшийся в Москву после длительной командировки в Южную Америку. Во время дискуссии были проанализированы роль *РСС* и *СНОС*. Основной пафос дискуссии свелся к разбору ошибок и недостатков деятельности партии в событиях августа.

Как несомненное достижение партии были отмечены рост ее рядов до 10 тыс. членов и превращение «в организацию национального масштаба», при этом докладчик обращал внимание на «чрезвычайно низкий политический уровень» коммунистов [42, р. 33]. Перечень «прегрешений» был довольно велик. Докладчики отмечали: до «падения Мачадо не велось никакой работы в армии. Эта работа была слабой во время и после падения Мачадо, когда была огромная возможность в виде братания солдат с народом на улицах». На основе частных случаев проявления солидарности солдат с рабочим выступлениями делался вывод о том, что «положение не было использовано для создания постоянной прочной организации среди солдат» [43, pp. 38-39]. Понимая слабость своего влияния в вооруженных силах, *РСС* создала военное крыло — Освободительную армию, которую возглавил член Политбюро и Секретариата ЦК Рамон Николау, выпускник МЛШ, первый латиноамериканец, отобранный для учебы в Академии им. М.В.Фрунзе. По инструкциям ЦК *РСС* он участвовал в заседании (Кайо Ларго, США, 1936) представителей революционных организаций Кубы (*РСС*, *PRC* /a/, *JC*) по организации вооруженной экспедиции на Кубу, где было принято решение направить в Испанию членов вооруженных организаций, готовивших восстание против диктатуры.

Ловский указывал на отсутствии в партии «ясности по национальному вопросу», имея в виду выдвижение лозунга о самоопределении в черной зоне провинции Ориенте, являвшееся попыткой применения тезиса Коминтерна о необходимости провозглашения независимости в районах компактного проживания угнетаемых национальных меньшинств. Провозглашение лозунга вызвало обвинения хункистов в том, что «партия хочет расколоть пролетариат по расовым признакам» [43, р. 37]. Ловского поддержал Вилар: «лозунг самоопределения... никогда не был понят кубинскими товарищами... Буржуазия использовала неразбериху в связи с этим лозунгом самоопределения и развила самую дикую агитацию против нас... Вопрос о самоопределении... остался только лозунгом, и товарищи не знали, что с этим лозунгом делать» [44, р. 76].

Ловский отмечал, что *РСС* ориентировалась на оценку правительства «100 дней» в статье Синани «как самой приемлемой»: «Мы были против того, что это правительство «мелкобуржуазное». Оно пришло к власти при помощи мелкой буржуазии. Тов. Синани говорил, это — «левая буржуазная группа», что у власти, по крайней мере в Гаване, продолжают оставаться, хотя и левые, но все же несомненно представители эксплуататорских классов». Считая действия правительства Грау основанными на демагогии, вводящей в заблуждение «довольно большие массы рабочих», «партия звала массы бороться против Грау и против *ABC* — против Грау и против правительства концентрации» [44, р. 60]. Этот подход не изменился и после отстранения «Правительства 100 дней» от власти. Делегат Профинтерна исходил из того, что Грау и Гитерас «под видом левой фразы про-

должают использовать недовольство масс», что Грау «в настоящее время представляет собой большую опасность для нашего движения», и считал необходимым дать политическую оценку правительству Грау «установить, каким образом надо бороться против растущего его влияния...» [44, р. 62].

Еще более жесткую позицию *РСС* и *CNOC* занимали по отношению к правительству Мендиеты как союзника американского империализма. Партия декларировала, что задачи нового правительства заключаются в «открытом кровавом подавлении революционного движения и уничтожении всех тех завоеваний рабочих, которые получены в результате предыдущих боев». Естественно, что партия отвергла «демагогическую политику» Мендиеты, официально предложившему *РСС* участвовать в совете министров [43, р. 41].

Хотя обсуждались многие нюансы событий, докладчики настаивали на том, чтобы «центральным пунктом в этой дискуссии» сделать «августовскую ошибку» и причины, которые повлияли на дальнейшее развитие событий [43, р. 45]. Первоначальная установка на противостояние всем (правительству, политическим группам и т.д.) довольно быстро изменилась, что стало преддверием поворота Коминтерна к идее Народного фронта, поворота, последовавшего стремительно.

Тема августовской революции как опыта компартии наряду с перспективами революции в Бразилии стала одной из центральных в обсуждении на III Конференции компартий Южной и Карибской Америки в Москве (1934 г.). Как нам представляется, это стало одним из толчков для изменения отношения к Латинской Америке как к континенту малоперспективному для мировой революции, в том числе к принятию трагического решения о курсе на восстание Национально-освободительного альянса (*Aliança Nacional Libertadora, ANL*) в Бразилии.

Главный вывод, сделанный в результате дискуссий в Москве и Гаване, состоял в следующем: необходимо заключать союз с другими революционными силами. VII Конгресс Коминтерна, сформулировавший стратегию Народного фронта, еще не начался, но его идеи уже витали в коридорах Коминтерна и проникли в его национальные секции. Их сформулировал генеральный секретарь *РСС* Рока («Буэно»), отметивший, что не боязнь интервенции была основным источником ошибок, а отсутствие у партии, ставившей вопрос «или ослабленный Мачадо, или американская интервенция», революционной перспективы.

Рока обвинил ЦК партии в сектантском подходе к вопросу о классовой независимости, в том, что она «не боролась за гегемонию пролетариата в широком национальном, антиимпериалистическом движении». И подчеркнул, что «местные комитеты были в более близком контакте с массами и сильнее чувствовали стремление масс к борьбе за свержение Мачадо. И поэтому мы продолжали стачку вплоть до свержения Мачадо. Поэтому партия, несмотря на свои ошибки, все же выступила как инициатор и организатор борьбы за свержение Мачадо. Но все же допущенные ошибки нанесли ущерб партии и всему движению». При этом новый генсек, а в недавнем прошлом секретарь окружного комитета, даже не произнес слова «Коминтерн», возложив всю ответственность на старое партийное руководство.

Однако, повторив по сути обвинения 1933 г., Рока уже в духе решений VII конгресса отмечает перспективы установления единого фронта, глав-

ным считая отношение к национально-реформистской партии Грау Сан-Мартина и *ЖС*, стоящих «на национально-революционных, антиимпериалистических позициях... Неотложной задачей компартии является — и вопрос об этом нужно ставить со всей смелостью — создание единого народного антиимпериалистического фронта с этими партиями, и в особенности с организациями, идущими за Гитерасом» [45, с. 50].

Политика союзов стала важной составляющей деятельности *РСС*. После поражения мартовской забастовки 1935 г. партия и организации, находившиеся под ее влиянием, были вынуждены уйти в глубокое подполье. В такой же ситуации оказалась *ЖС*, которая «открыто заняла национал-революционные антиимпериалистические позиции». Сторонники экс-президента Грау Сан-Мартина в *РРС /a/*, находившиеся в эмиграции в США после мартовских событий, «конспирировали против правительства кубинской реакции». После убийства Гитераса *РСС* обратились к *ЖС* и Грау Сан-Мартину с предложением о создании Народного фронта борьбы против империализма и реакции [46, сс. 1-2].

Переговоры, прошедшие в Майами между представителями трех революционных организаций, привели к заключению соглашения о подготовке совместного вооруженного восстания против диктатуры. Его подготовка велась интенсивно до начала гражданской войны в Испании, когда было принято решение отложить выступление на Кубе и, проявив солидарность с Испанской республикой, отправить бойцов в состав интернациональных бригад.

Черту под дискуссией об «августовской ошибке» подвел VII Конгресс Коминтерна, совершивший исторический поворот в определении стратегии и тактики международной коммунистической партии. Делегация *РСС*, в которую входили Блас Рока и возглавлявшие партию в период августовской революции Исидро Фигероа и Хорхе Виво, разъяснила в письме в Гавану решения Конгресса, имеющие «исключительное значение для выработки правильной тактической линии компартии Кубы. Всемирный конгресс поставил для всех партий колониальных и полуколониальных стран в качестве центральной задачи, «ПРИОБРЕТАЮЩЕЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ», «Установление ЕДИНОГО АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ФРОНТА». Эта установка и должна лечь в основу всей деятельности компартии Кубы... суть дела состоит в том, чтобы выковать настоящий ЕДИНЫЙ ФРОНТ КУБИНСКОГО НАРОДА на основе антиимпериалистического блока пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и той части национальной буржуазии и помещиков, которые сопротивляются наступлению империализма и реакции, единый фронт всех тех партий и организаций, которые стоят ЗА ЗАЩИТУ ДЕМОКРАТИИ, ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЗА НАСУЩНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ МАСС...» [47, р. 8].

Документ, по сути подводящий итоги революции 1933 г. и провозгласивший новый этап борьбы коммунистов, удивительно перекликался с текстом, написанным в 1960-е годы Фиделем Кастро: «...важно принять во внимание неблагоприятное положение нашего небольшого острова с точки зрения борьбы против империализма янки, вооруженного до зубов, который отделен от нас незначительным расстоянием, что заставляет нас применить тактику единого фронта еще шире и решительнее. Кубинский народ не хочет объявить войну империализму янки, но кубинский народ

готов защищать свою родину, свои национальные интересы, кубинский народ хочет завоевать политическую и экономическую независимость, завоевать Кубу для кубинцев... Это ставит перед нами еще острее, чем перед любой другой партией Латинской Америки, необходимость сплотить в единый фронт все те классы, все те партии и организации, которые способны хотя бы даже и непоследовательно, хотя бы и временно пойти на совместное сопротивление насилиям чужеземного врага и внутренней реакции» [47, pp.11-12].

На этом этапе кубинские коммунисты, уже не скованные догматизмом, творчески испробовали различные формы организации. По инициативе партии и под ее руководством был проведен съезд профсоюзного единства, ставший важным шагом к созданию Конфедерации трудящихся Кубы (*Confederación de Trabajadores de Cuba, CTC*). Действуя в подполье, *PCC* создала свою легальную организацию — Революционный Союз (*Unión Revolucionaria, UR*), который возглавили люди, формально не входившие в партию, но известные своими симпатиями к ней. После легализации *PCC* она объединилась с *UR* в Революционно-Коммунистический союз (*Unión Revolucionaria Comunista, URC*). Затем было создано Братство молодых кубинцев (*Hermanidad de jóvenes cubanos*), объединившее Лигу молодых коммунистов и другие левые молодежные организации. Следующим шагом стало заключение альянса со сторонниками Фульхенсио Батисты, выступившего на выборах в Учредительное собрание с прогрессивной программой. Поддержка новой Конституции, которая являлась самой передовой на тот момент на всем континенте, избрание коммунистов в сенат и палату депутатов, их вхождение в правительство, укрепление влияния среди студентов и творческой интеллигенции стали важными вехами на пути превращения кубинской компартии в серьезную политическую силу. Все это заложило основу будущего провозглашения социалистического характера кубинской революции.

Августовская революция 1933 г., которая смела диктатуру Мачадо и создала предпосылки для отмены печально знаменитой «Поправки Платта», стала не только важным рубежом в истории «жемчужины Антил». Она дала шанс правительству Рузвельта показать Латинской Америке возможности, открывавшиеся благодаря проведению «политики доброго соседа». Важную роль в революции сыграла компартия Кубы, однако, у чиновников от революции в ИККИ и Карибском бюро сложилось мнение о том, что действия компартии были несоразмерны возможностям, появившимся в августе, и недостаточно радикальны. «Интернациональная делегация», находившаяся на острове, пришла к выводу об «августовской ошибке» и добилась масштабного обновления партийного руководства. В конечном итоге события на Кубе стали одним из сигналов к отказу от тактики «класс против класса», принятой VI Всемирным конгрессом и «историческому повороту» к идеологии и практике Народного фронта, а *PCC* превратилась в одного из лидеров континентального революционного движения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Синани Г. Конец капиталистической стабилизации, революционный подъем, состояние и задачи компартий ЮКА. Проблемы Южной и Карибской Америки. Сборник статей под общей редакцией Г. Синани. М., Институт мирового хозяйства и мировой политики при Комкадемии, 1934, сс. 249-310. [Sinani G. Konets kapitalisticheskoi stabilizatsii, revolutsionnyi

- podzem, sostoyaniye i zadachi kompartii YuKA. [The End of a Capitalist Stabilization, the Revolutionary Rising, the Situation and Challenges for the CPs of South and Caribbean Americas]. Moscow, Institute for World Economy and International Politics at the Communist Academy, 1934, pp.249-310. (In Russ).
2. Lamrani S. Los orígenes de la Revolución Cubana de 1959. *Hors-Dossier. Anthropologie de l'expérience de l'accouchement dans le monde*. Decembre 2021, N 50. Available at: <https://journals.openedition.org/etudescaribeennes/23080> (accessed 12.12.2022).
  3. Tabares del Real J.A. La revolución del 30: sus dos últimos años. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1971, 324 p.
  4. Rodríguez R. La revolución que no se fue a bolina. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 2013, 733 p.
  5. Rosell M. Luchas obreras contra Machado. La Habana, Editorial Ciencias Sociales, 1973, 396 p.
  6. Soto L. La revolución del 33. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1977, t.II, 435 p.
  7. Aguilar L.E. *Cuba 1933: Prologue to Revolution*. Ithaca, Cornell University Press, 1972, 256 p.
  8. Carrillo J. *Cuba 1933: estudiantes, yanquis y soldados*. Coral Gables, Miami, University of Miami, 1985. 422 p.
  9. Farber S. *Revolution and Reaction in Cuba, 1933-1960. A Political Sociology from Machado to Castro*. Middletown, Wesleyan University Press, 1976, 283 p.
  10. Gelman I. *Roosevelt and Batista: Good Neighbor Diplomacy in Cuba, 1933-1945*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1973, 303 p.
  11. Carr B. From Caribbean Backwater to Revolutionary Opportunity: Cuba's Evolving Relationship with the Comintern, 1925-34. *T.Reese & A.Thorpe. International Communism and the Communist International, 1919-43*. Manchester, Manchester University Press, 1998, pp.234-253.
  12. Jeifets V., Jeifets L. La Odissea Roja. Varias líneas Al Retrato político De Jorge Vivó d'Escoto. *Revista CS*, Cali, 2014, N14 (diciembre), pp.167-200.
  13. Roa R. Evocacion de Ruben Martinez Villena. *Cuba Socialista*. La Habana, Marzo de 1965, N 43, pp.58-59.
  14. Blaquier Rojas A. Primer Partido Comunista de Cuba. 1925-1935. Editorial Oriente. Santiago de Cuba, 2005, t.I, 280 p.
  15. Massón Sena C. Comintern y comunismo en Cuba. Una reflexión crítica. *Izquierdas*. Santiago de Chile, 2010 Año 3, N7.
  16. Rosales García J. Martínez Villena: actualidad de su ideario político. *C.Massón (dir.). Las Izquierdas Latinoamericanas: Multiplicidad y Experiencias durante el Siglo XX*. Santiago, Ariadna Ediciones, 2017, pp.377-389.
  17. Рубен Мартинес Вийена. *Коммунистический Интернационал*. М., 1934. №3 (20 января), с.63. [Ruben Martines Viyena [Ruben Martinez Villena]. *Kommunisticheskii Internatsional*. Moscow, 1934, N3. January 20, p.63. (In Russ).
  18. *Daily Worker*. New York, 26.07.1933.
  19. *L'Humanité*. Paris, 14.08.1933.
  20. *L'Humanité*. Paris, 15.08.1933.
  21. Гомец. Революционные события на Кубе и задачи компартии. *Коммунистический Интернационал*. М., 1933, №25, сс.42-48. [Gomets. Revolutsionnye sobytiya na Kube i zadachi kompartii. [The Revolutionary Events in Cuba and the Challenges for the Communist Party]. *Kommunisticheskii Internatsional*. Moscow, 1933, N25, pp. 42-48. (In Russ).
  22. Синани. Новая фаза революционных событий на Кубе. *Коммунистический Интернационал*, М., 1933, №28, с.17. [Sinani. Novaya faza revolutsionnykh sobytii na Kube. [The New Phase of the Revolutionary Events in Cuba]. *Kommunisticheskii Internatsional*. Moscow, 1934, N28, p.17. (In Russ).
  23. Синани Г. Революционные события на Кубе. *Мировое хозяйство и мировая политика*. М., 1933. №10, сс.60-75. [Sinani G. Revolutsionnye sobytiya na Kube. [The Revolutionary Events in Cuba]. *Mirovoye khoziaistvo i mirovaya politika*. Moscow, 1933, N 10, pp.60-75. (In Russ).
  24. Г.С. [Г. Синани]. На Кубе возникают Советы. *Колониальные проблемы. Часть 2*. М., Комакадемия, 1934 [G.S.[G.Sinani]. Na Kube vznikayut Sovety. [The Soviets are forming in Cuba]. *Kolonialnye problem. Part 2*. Moscow, Communist Academy, 1934. (In Russ).
  25. The Draft of a Resolution on the CP of Cuba, 1933. Russian State Archive for Social and Political History (RGASPI). F. 495, op. 105, folder. 65, pp. 3-4.

26. Jeifets V., Jeifets L. El encuentro de la izquierda cubana con la Revolución Rusa: el Partido Comunista y la Comintern. *Historia Crítica*. Bogotá, 2017, N64, pp.81-100.
27. Hatzky Ch. Julio Antonio Mella (1903-1929). Eine Biografie. Frankfurt am Mein, Veruert, 2004, 472s.
28. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите мировой революции. М., Политическая энциклопедия, 2020, 759 с. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika v orbite mirovoi revoliutsii. [Latin America at the Orbit of World Revolution]. Moscow, Politicheskaya entsiklopedia, 2020, 759 p. (In Russ).
29. Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом. (Материалы). М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. [Kommunisticheskii Internatsional pered VII vsemirnym kongressom (Materialy). [The Communist International before its VII Congress (Materials)]. Moscow, Partizdat, 1935, 608 p. (In Russ).
30. Щелчков А.А. Троцкистское движение на Кубе. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2017, №18, сс. 155-177. [Schelchkov A.A. Trotskistskoye dvizhenie na Kube. [The Trotskyist Movement in Cuba]. *Latinoamerikanskii Istoricheskii Almanakh*, Moscow, 2017, N18, pp.155-177. (In Russ).
31. De la Osa E. Cronica del ano 33. La Habana, Editorial de ciencias sociales, 1989, 157 p.
32. Junta del CC, a 11 de octubre de 1933. RGASPI. F. 495, op.105, folder 71, pp.27-39.
33. Johny's Report on Cuba. September 4th 1933. RGASPI. F. 495, op. 105, folder 68, pp.1-3.
34. Roca B. Así conoci a Ruben Martínez Villena. *Ноя*. 20.01.1965.
35. Рока Б. Основы социализма на Кубе. М., Госполитиздат, 1961, 243 с. [Roka B. Osnovy sotsializma na Kube. [The Basis of the Socialism in Cuba]. Moscow, Gospolitizdat, 1961, 243 p. (In Russ).
36. Нитобург Э.Л. Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе. М., Наука, 1968. [Nitoburg E.L. Pokhischeniye zhemchuzhiny. Poltora veka ekspansionistskoi politiki SShA na Kube. [The Robbery of the Pearl. Century and half of the US expansionist policy in Cuba]. Moscow, Nauka, 1968, 232 p. (In Russ).
37. Нитобург Э.Л. Политика американского империализма на Кубе. М., Наука, 1965. [Nitoburg E.L. Politika amerikanskogo imperializma na Kube. [The policy of American Imperialism in Cuba]. Moscow, Nauka, 1965, 432 с. (In Russ).
38. Farrar V.J. and Beers H.P. (eds.). Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1933. The American Republics. Washington, United States Government Printing Office, 1952, vol.5, pp. 347-348.
39. Junta del CC. Agosto 29 de 1933. RGASPI. F.495, op. 105, folder 71, pp.19a-21.
40. Carta del CC del PCC (Sampedro) al CEIC. RGASPI. F.495, op. 105, folder 75, p.43.
41. CC del PCC al SLA de la I.C. Habana, a 27 de junio de 1933. RGASPI. F. 495, op. 105, folder 75, p.24.
42. Запись беседы с представителями Народно-социалистической партии Кубы т.т. Рока и Эскаланте 6 октября 1956 года. Российский государственный архив новейшей истории. Фонд 5, оп. 8, д.440, лл.51-52. [Zapis' besedy s predstaviteliami Narodno-sotsialisticheskoi partii Kuby t.t. Roka i Eskalante 6 oktiabria 1956 g. [Recording of a conversation with representatives of the Popular Socialist Party of Cuba comrades Roca and Escalante on October 6, 1956, Russian State Archive of Contemporary History]. F.5, op.8, folder 440, pp.51-52. (In Russ).
43. The discussion of "the Error of August" at the Latin American Lender-Secretariat of the ECCI. RGASPI. F.495, op.79, folder 196, pp.22-62.
44. The continuation of Com. Juan's Report at the South American Lender-Secretariat, 17.VI.1934. RGASPI. F. 495. op.79, folder 196, pp.63-79.
45. Буэно. Как рабочие и крестьяне могут взять и удержать власть на Кубе. *Коммунистический Интернационал*. 1935 (20 марта), №9, сс.47-52. [Bueno. Kak rabochiye i krestyane mogut vzyat i uderzhat' vlast' na Kube. [How the Workers and Peasants can take and hold the power in Cuba]. *Kommunisticheskii Internatsional*. Moscow, 1935, N 9, pp.47-52. (In Russ).
46. The report, 15.VII.1935. RGASPI. F.495, op.105, folder 119, pp.1-2.
47. The Letter of the Cuban CP delegation at the VII Congress of the Comintern to the CC of the Cuban CP. 26.X.1935. RGASPI. F.495, op.105, folder 120, pp.8-12.

Виктор Хейфец, Лазарь Хейфец

Victor L. Jeifets (jeifets@gmail.com)

Dr. Sc., professor at the Saint-Petersburg State University
Universitetskaya emb., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation;
Leading researcher at the Institute for Latin American Studies
Bolshaya Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation;
Professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace University
Bolshaya Morskaya st., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

Lazar S. Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Drs. Sc., professor at the Saint-Petersburg State University
Universitetskaya emb., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation;
Professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace University
Bolshaya Morskaya st., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

The research was carried out thanks to financial support of the Russian Scientific Fund, grant № 19-18-00305, “The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

Was there an “August Mistake”? How to assess the role of the Communist Party of Cuba and the Comintern in the anti-Machado revolution of 1933

Abstract. The article examines the little-studied nature of relations between the III International, its Caribbean Bureau and the Communist Party of Cuba in connection with the so-called "August mistake" - the attitude taken by the Cuban section of the Comintern during the anti-Machado revolution of 1933. The role of the informal leader of the party Ruben Martinez Villena is analyzed and the evolution of assessments of his activities during this period by the international Communist Party is shown. While originally as the Comintern emissaries as also the structures of the Executive Committee of the Comintern condemned sharply Martinez Villena's activities during the overthrow of the dictatorship of G. Machado, finally this attitude was shifting and Moscow was ready to come to terms with him on condition of admitting a “mistake”. Later, as the authors showed, Moscow partially (but not publicly) came to conclusion that it was wrong to bet on the seizure of power in Cuba by the forces of exclusively communists and their affiliated structures. This recognition was part of the Comintern's “historic turn” to the policy of the Popular Front, which in Cuba meant the transition of the Communist Party to a broad alliance. This alliance laid the foundations for the subsequent expansion of communist influence.

Key words: “The August Mistake”, Cuban Revolution of 1933, the Communist Party, PCC Comintern.

DOI: 10.31857/S0044748X0026848-1

Received 27.04.2023.